

УДК 364:94
DOI 10.17223/1998863X/29/15

А.А. БЫКОВ, А.В. ЖУКОВА

**ПРАКТИКИ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ-СИРОТ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕДОМСТВА
УЧРЕЖДЕНИЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ И
ИМПЕРАТОРСКОГО ЧЕЛОВЕКОЛЮБИВОГО ОБЩЕСТВА)**

Исследуются практики жизнеустройства детей-сирот в дореволюционной России. Рассматривается деятельность таких крупных организаций, как Ведомство учреждений Императрицы Марии и Императорское Человеколюбивое общество. Сравниваются методы и результаты работы данных учреждений.

Ключевые слова: благотворительность, социальная поддержка, жизнеустройство, практики.

Забота о жизнеустройстве детей-сирот является одним из ключевых направлений социальной политики российского государства уже на протяжении почти трехсот лет. Но и до сегодняшнего дня эта проблема все еще стоит достаточно остро. Остаются некоторые экзистенциальные причины воспроизводства сиротства независимо от социально-экономического, политического и этического содержания эпох.

В дореволюционной России призрение детей-сирот считалось каритативной функцией Русской православной церкви, и лишь в царствование Петра I началась институционализация государственной системы социальной поддержки данной категории детей.

Однако нравственная потребность в учреждениях для них в рамках христианства возникла еще в раннем Средневековье. Позднее, во времена царствования Михаила Федоровича, дома для детей-сирот находились в ведении Патриаршего приказа. В 1682 г. Федор Алексеевич издал указ о необходимости обучения сирот наукам и ремеслам. В 1705 г. в окрестностях Новгорода в Хамово-Успенском монастыре митрополитом Иовом был основан первый в России приют для незаконнорожденных [1. С. 185]. В 1715 г. Петр I приказал в Москве и других городах при монастырях и церквях устроить приюты для подкидышей, с определением денежного содержания для кормилиц и «засорных» детей.

Своеобразный «инновационный прорыв» в благородном деле призрения детей-сирот начинается в правление Екатерины II. Очевидно, сказался и общий уровень образованности императрицы, и хорошее знакомство с западным опытом в этой сфере. В 1763 г. в Москве был учрежден Воспитательный дом с госпиталем для родильниц, в 1770 г. аналогичный дом для подкидышей открылся в Санкт-Петербурге.

И.И. Бецкой, один из современников императрицы и активный деятель в области призрения детей, мечтал сделать из сирот городское сословие, воспитывающееся в изоляции от устаревших представлений семьи и общества,

граждан новой формации. И.И. Бецкой проникся гуманистическими идеями Дж. Локка и Я. Каминского, однако его возвышенные интенции остались исключительно на бумаге. Суровая российская реальность все расставила по своим местам. Так, при основании Московского воспитательного дома И.И. Бецкой предлагал воспитывать «приемышей» в самом доме, но это оказалось невыполнимо [2. С. 52]. Мало того, позднее часть детей обращали в крепостное состояние. После демарша Бецкого эта практика прекратилась, но, вопреки его желанию, детей продолжали отдавать на воспитание в деревни. Единственное, чего он добился, «чтобы плата кормилицам производилась помесечно и чтобы они привозили питомцев при этом в дом для осмотров» [2. С. 53].

Вопреки предложениям И.И. Бецкого, раздача детей на воспитание в деревнях началась с 1768 г., когда Опекунский совет на заседании 10 мая принял эту меру для предупреждения значительной смертности детей из-за скопления питомцев в палатах Воспитательного дома и недостатка в кормилицах [2. С. 52].

После И.И. Бецкого главным попечителем Московского воспитательного дома был назначен граф Сивере, который признал необходимость учинить надзор за содержанием детей в деревнях. Поэтому в 1797 г. в помощь к одному «объезжему» надзирателю был назначен еще один. Для оказания помощи больным питомцам граф Сивере «полагал полезным, чтобы во время объездов надзирателей при них находился надежный подлекарь» [2. С. 53].

Проблема контроля над младенцами, отданными на воспитание в деревни, постоянно находилась в центре внимания Московского воспитательного дома. В 1768 г., спустя несколько дней после первой раздачи младенцев на воспитание деревенским кормилицам, Опекунским советом был определен особый чиновник, который должен был каждую неделю объезжать те имения, где находились питомцы. Он обязан был лично «удостовериться» в том, как они содержатся, нет ли между ними больных, и «вести о своих наблюдениях точный журнал». Обо всем, увиденном им во время его объездов, он должен был доносить каждую субботу главному «надзирателю» [2. С. 52]. Впоследствии из-за роста числа питомцев объезды стали ежемесячными.

Если окружной надзиратель видел, что ребенка лучше забрать у одних воспитателей и передать другим, то он мог это сделать по следующим основаниям [3. С. 82]: в связи с дурным содержанием; из-за смерти воспитателей; из-за болезни кормилиц; в связи с переездом воспитателя; в связи с разделом или «расстройством хозяйства»; из-за отказа воспитателей; по желанию питомцев; по взаимному соглашению воспитателей.

С 1796 г. деятельность по призрению незаконнорожденных и подкидышей приобретает централизованный характер в связи с переходом воспитательных домов в Москве и Санкт-Петербурге в ведение императрицы Марии Федоровны (жены Павла I).

26 октября 1828 г. из личной канцелярии императрицы было создано IV отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Ко времени смерти Марии Федоровны (1828 г.) в ведении ее личной канцелярии находились 14 женских учебных заведений (институтов и училищ) с 1837 учащимися (главным образом дочерьми дворян), а также 25 медицинских

и благотворительных заведений (Петербургский и Московский воспитательные дома, больницы, богадельни, инвалидные и странноприимные дома и пр.) с 43 432 призреваемыми [4. С. 199].

Однако вернемся к анализу ситуации в воспитательных домах. Несомненно, личностные качества Марии Федоровны отразились на дальнейшем развитии этих учреждений. Мария Федоровна была не только образована, но и педантична, настойчива (особенно в добывании средств). Отметим и тот факт, что она была многодетной матерью (10 детей).

Сложно сказать, кому принадлежит эта идея, самой императрице или ее советникам. Возможно, был уже накоплен печальный опыт первых выпусков, когда не все питомцы воспитательных домов смогли адаптироваться к «взрослой» жизни. Тем не менее мы можем констатировать факт, что именно в «шефствование» Марии Федоровны возрос интерес к жизнеустройству детей, находящихся в воспитательных домах, а позднее и приютах.

Так, из деревень дети возвращались на шестом году жизни в воспитательный дом «для образования из них мастеровых, фабричных и разного рода ремесленников» [2. С. 53].

27 декабря 1797 г. Санкт-Петербургскому и Московскому воспитательным домам было предписано воспитывать не более 500 детей в каждом, остальных – в деревнях, оставляя их там до трехлетнего возраста. Затем брать их в дом и после прививки от оспы вновь размещать по деревням по назначению Экспедиции Государственного хозяйства. «Экспедиция обязана была приискивать для питомцев воспитателей из крестьян благонадежного и доброго поведения и иметь надлежащий надзор за воспитанием этих питомцев <...> В дальнейшем по достижении пятнадцатилетнего возраста давали землю и луга и снабжали семенами и приписывали в казенные крестьяне» [2. С. 53–54].

За воспитание детей крестьянские семьи получали неплохие по тем временам деньги. Так, по данным на 1878 г., за ребенка до 3 лет платили по 2 руб. 40 коп. в месяц; от 3 до 7 лет – по 1 руб. 90 коп.; от 7 до 10 лет – по 1 руб. 60 коп.; от 10 до 15 лет – по 1 руб. в месяц; за мальчика от 10 до 17 лет – также по 1 руб. ежемесячно.

Для иллюстрации вышеизложенного приведем некоторые цифры: в 1899 г. на воспитание в деревни было «жизнеустроено» 4409 детей (из них мужского пола 2217, женского – 2192) [3. С. 3–4]; в 1913 г., спустя 14 лет, – 5329 (из них мужского пола 2673, женского – 2656) [5. С. 4–5].

Учитывалось и состояние здоровья детей, содержание больных питомцев и инвалидов оплачивалось дополнительно. Но если питомец находился в болезненном состоянии, не позволяющем ему оставаться без посторонней помощи, то воспитательный дом продолжал производить за воспитание этих питомцев так называемую извечную плату, достигающую 5 руб. в месяц. «Независимо от того, за хороший уход за увечными или беспомощными питомцами воспитатели награждаются еще и особой платой до 25 руб. в год» [2. С. 52].

Однако при высокой детской смертности – например, в 1860 г. в Московском воспитательном доме умерло 25% детей [4. С. 200] – необходимо было подтверждать всякий раз надзирателю, который должен был объезжать округа, что ребенок жив.

Следует отметить несколько положительных моментов в практике воспитания в деревнях. Во-первых, питомцы воспитательных домов получали нормальное по тем временам воспитание, вполне адекватное принимающей впоследствии среде обитания, проходя все элементарные этапы социализации. Во-вторых, они приобретали технологические навыки земледельческого труда. В-третьих, они обязаны были учиться в сельских школах воспитательного дома. Это должно было, по мнению администрации, «решить для них вопрос о независимом и обеспеченном существовании» [2. С. 80].

Несомненно, наличие сельских школ Московского воспитательного дома имело значение для повышения адаптивного потенциала детей-сирот в сельской местности. В этих школах, кроме питомцев и «питомок», обучались вольные ученики и ученицы, но последних было очень мало. Обучение в школе для детей из воспитательного дома было обязательным, для крестьянских же детей – исключительно по желанию родителей. Принимались дети от 8 до 15 лет.

Школ явно не хватало, поэтому администрация Московского дома прилагала определенные усилия к увеличению их количества. Особенно заметно этот процесс активизировался в пореформенную эпоху. Если в 1871 г. было 13 школ, а учеников на одну школу – 48, то в 1876 г. школ стало 36, а учеников – 39. Положение о сельских школах Московского воспитательного дома от 6 мая 1873 г. определило количество учащихся в каждой школе не более 40. Раньше «случалось» и 80 на одного учителя. Аналитики Ведомства императрицы Марии отмечали слабую подготовку сельских учителей, даже их полуграмотность [2. С. 80–81].

Поэтому в Москве, в рамках воспитательного дома, была открыта Учительская семинария для питомцев. «Семинария имеет целью приготовить не только народных наставников, в смысле учителей грамоты, счета и проч., но наставников, наделенных практическими знаниями и навыками. С этой целью в курсе Семинарии введены: пение, черчение и рисование, столярничество, садоводство и огородничество <...> Семинария устроила систематическую выставку технических черчений и рисунков, исполненных руками воспитанников» [2. С. 93].

«Питомцы» воспитательного дома могли учиться и получать надежную по тем временам специальность в Фельдшерской школе [2. С. 88].

Помимо получения элементарного образования и профессии, требующей определенных «книжных» знаний, питомцы воспитательного дома могли получить и другие профессии, не требующие большой грамотности, но хорошо оплачиваемые.

С 1870 г. началась отдача питомцев в обучение разного рода «полезным и выгодным ремеслам» в самой Москве. Одному из чиновников по особым поручениям, состоящему при Правлении воспитательного дома, и было поручено курировать питомцев в обучении ремеслам в Москве. На него же возложено было «заклучение с мастерами условий и тщательный надзор за положением этих питомцев в мастерских» [2. С. 93].

Однако при огромной разбросанности мастерских по всей Москве (64 версты [2]) и большом количестве питомцев, отданных на обучение, один чиновник явно не справлялся с контрольными функциями. Поэтому 4 июня

1874 г. было открыто по Высочайшему повелению Московское Столичное Окружное Управление в составе двух надзирателей – старшего и младшего. «С этого времени Столичное Окружное Управление, по возможности, старалось доставлять присланных из округов питомцев на занятия, сообразно с их склонностями и желаниями, принимая в соображение нравственную и материальную обстановку ремесленных заведений» [2. С. 94].

Начиная с 1870 г. количество обучающихся ремеслам воспитанников, а также и поступающих потом на самостоятельные заработки заметно увеличивалось, так, в 1870 г. Их было 145 человек, а в 1876 г. – уже 1292. «Питомцы отдаются в обучение ремеслам на срок от 3 до 5 лет, на полное содержание хозяев, и с обязанностью последних выдавать им при окончании учения от 25 до 30 руб. награждения. Питомцы, окончившие учение в ремесленных заведениях и достигшие 19- и 20-летнего возраста, поступают мастерами в те же или подобные заведения и зарабатывают от 5 до 35 руб. в месяц» [2. С. 94].

Детей учили разным специальностям – от сапожного и башмачного ремесла до типографского, токарного, ювелирного, иконописного и живописного – всего 50 ремеслам, а мастерских, где обучались питомцы, насчитывалось 642 [2. С. 95–98].

Воспитанники Московского воспитательного дома достаточно быстро рекомендовали себя как хорошие, воспитанные работники и способные ученики. Не надо забывать о том, что все они имели элементарное образование, т.е. были грамотны, а это повышало их адаптивный потенциал по сравнению с другими подростками. Поэтому многие ремесленники проявляли интерес к ним и писали заявления с просьбой получить питомца. В 1875 г. таких заявлений было 226, в 1877 г. – 463 [2. С. 96]. По мнению аналитиков того времени, «нравственный уровень питомцев, обучающихся вышеуказанным «мастерствам», стоит довольно высоко, и если встретишь случай побегов, воровства и других подобного рода поступков, то эти случайные заблуждения должны быть скорее приписаны сторонним влияниям». Имелось в виду подстрекательство вольных работников против хозяев, «дурное обхождение ремесленников с детьми, но надзиратели внимательно следят за такими лицами и переводят от них питомцев к другим хозяевам» [2. С. 96].

Однако самой сложной и перспективной формой жизнеустройства, несомненно, было усыновление. Порядок усыновления в воспитательных домах установлен в первый раз «Высочайше утвержденным 14 марта 1803 г. докладом Санкт-Петербургского Опекунского Совета». Усыновление питомцев было разрешено только казенным крестьянам при следующих условиях: «чтобы проситель имел на усыновление питомцев дозволение от своего сельского начальства; чтобы представить удостоверения о хорошем поведении, благонадежности и состоянии содержать питомца; чтобы не имел родных сыновей и обязался, в случае, если бы у него родились дети мужского пола, после усыновления питомца уравнивать его в правах наследства с родными сыновьями» [2. С. 99–100].

Усыновление допускалось при достижении питомцем восьмилетнего возраста. За него платили до семнадцатилетнего возраста ту же плату, какая выдавалась до этого возраста на содержание питомцев неусыновленных. Затем

питомец по достижении им семнадцатилетнего возраста получал некоторую сумму на обустройство потребностями сельского быта. В случае смерти питомца сумма уходила в капиталы воспитательного дома [2. С. 100].

Для стимулирования усыновителей в условиях высокой рождаемости им долгое время выплачивались премии. В Санкт-Петербурге трижды по 30 руб.: при усыновлении; при достижении совершеннолетия; самому питомцу. В Москве дважды по 30 руб. – последняя выплата как награда [2. С. 101].

Тем не менее в 1876 г. практика выплаты премий была прекращена и число усыновлений с этого времени резко сократилось. Аналитики Ведомства императрицы Марии пришли к выводу, что усыновители берут детей из воспитательных домов вовсе не из благородных побуждений, а из материальных интересов. Это желание иметь «дармового» работника, давать самую тяжелую работу (в деревне) или посылать усыновленных подростков на фабрики в города на заработки. Хотя наверняка во многих семьях были и любовь, и привязанность к этим детям.

Конечно, большинство детей не усыновлялось. Поэтому были и другие формы (практики) жизнеустройства. Например, выдача замуж. Воспитательный дом мог выдать замуж по достижении совершеннолетия (с приданым в 10 руб.). Но «питомкам» казалось, что это очень мало, и они ждали до 21 года, когда приходило приписывание к городскому сословию, а сумма приданого возрастала до 31 руб. С 1871 г. новый размер приданого – 50 руб., но была и интересная инновация – если «питомка» выходила замуж за питомца, им давали еще 20 руб. Таким образом «жизнеустранивали» двух воспитанников дома. Однако нет данных о прочности этих «сиротских» браков [2. С. 102].

Питомцы, которые не были взяты родственниками на дальнейшее их попечение и содержание, не усыновлены в крестьянские семьи, а также и «питомки», не вышедшие замуж, приписывались к городскому сословию. Однако требовалось, чтобы «до достижения ими совершеннолетия или до призыва к исполнению воинской повинности они оставались в тех местах, где находились до прописки» [2. С. 102].

В одной только Москве к началу XX в. благотворительных заведений для призрения и воспитания детей, подчиненных Ведомству учреждений императрицы Марии, насчитывалось 107 [5. С. 342–352].

Что касается помещения ребенка в учреждение, то в приеме могли отказать по следующим основаниям [6. С. 6]: неправильность заполнения документов; ребенок старше 1 года; ребенок не крещен; матери не пожелали кормить своих детей; дети оказались законными; законные дети старше 10 месяцев; отсутствие документов; подкидыши не по той губернии, в которой находится воспитательный дом; неудовлетворительное состояние здоровья ребенка по результатам медицинского освидетельствования.

Большинство матерей, приносящих своих внебрачных детей, принадлежали «к крестьянскому сословию». Также были дети мещан, «духовного звания», «привилегированных», бывших «питомцев» воспитательного дома [6. С. 7]. По роду своих занятий матери принятых внебрачных детей распределялись следующим образом: домашняя прислуга, ремесленницы,

деревенские работницы. Однако род занятий многих матерей оставался неизвестным.

Работой с детьми-сиротами в досоветский период занималось не только Ведомство учреждений Императрицы Марии Федоровны, но и Императорское Человеколюбивое общество, несмотря на свою полифункциональность. Оно начало свою деятельность в 1816 г. и так же, как и Ведомство учреждений Марии Федоровны, имело покровительство царствующего дома, и в его составе, к середине XIX в., действовало достаточно много крупных заведений, действовавших на европейской территории империи.

Под покровительством Императорского Человеколюбивого общества осуществляло свою деятельность Ивановское малолетнее отделение. В 1850 г. «в призрении» этого заведения находилось 87 человек обоего пола (как сирот, так и детей бедных родителей) в возрасте от 4 до 10 лет [7. С. 23]. Здесь дети получали «первоначальное» образование, изучая Закон Божий, Грамматику, Чистописание и Арифметику. По окончании срока пребывания в заведении дети направлялись в другие учреждения Императорского Человеколюбивого общества, соответствующие их возрасту. В 1870 г. в этом отделении (с Домом воспитания) получило необходимую помощь и поддержку 369 детей [8. С. 14].

Еще одним крупным учреждением Человеколюбивого общества был Дом призрения малолетних бедных. В 1850 г., например, в нем было 65 воспитанников, а ещё 43 человека было отдано «в ученье ремеслам и торговле» [7. С. 16]. В Доме воспитания бедных детей, который имел своей целью призрение сирот и бедных детей мужского пола «с доставлением им образования, соответствующего будущему их назначению», в 1850 г. на иждивении находилось 132 ребенка [7. С. 18–19]. В 1870 г. в этом же доме учащихся было 264 человека (с Ивановским отделением малолетних) [8. С. 14].

Общество содержало и Девичью школу, воспитанницы которой, по достижении ими возраста 16 лет, «увольнялись» из состава воспитанниц с выдачей аттестата и пособия «на первоначальное обзаведение». В этой школе к 1851 г. 76 воспитанниц принадлежали к числу детей, «осиротевших от холеры» [7. С. 20].

К 1870 г. заведений для призрения детей, относящихся к Обществу, насчитывалось уже 20 [8. С. 11].

Необходимо отметить, что методы работы с детьми-сиротами двух рассмотренных благотворительных учреждений были во многом идентичны. Но дело в том, что Императорское Человеколюбивое общество решало другие социальные проблемы, нежели Ведомство учреждений императрицы Марии, и вопрос о жизнеустройстве детей-сирот не был для него центральным.

Итак, во второй половине XIX в., в пореформенную эпоху, в основном завершилась институционализация основных практик жизнеустройства воспитанников Московского и Санкт-Петербургского воспитательных домов, которые являлись самыми крупными структурными элементами в системе Ведомства учреждений императрицы Марии, а также заведений Императорского Человеколюбивого общества. В это время были конституированы наиболее стабильные, проверенные временем и имеющие правовое обеспечение практики жизнеустройства детей-сирот:

- 1) воспитание в крестьянских семьях;
- 2) передача родственникам;
- 3) усыновление;
- 4) выдача замуж;
- 5) передача питомцев матерям;
- 6) передача питомцев ремесленникам на обучение;
- 7) приписывание к сословию.

Именно тогда были основаны концептуальные решения проблем детей-сирот: идеи предоставить воспитанникам элементарное образование (и не только) и обучить профессии, воспитывать в семье и многое другое, которые были востребованы как советской, так и современной российской системой социальной защиты данной категории детей. Опыт дореволюционной России в этой сфере требует дальнейшего изучения.

Литература

1. *Общественное и частное призрение в России: сб. ст. / Гл. упр. по делам местного хозяйства. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. 296 с.*
2. *Монографии учреждений ведомства императрицы Марии: приложение к изданию «Пятидесятилетие IV отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии 1828–1878». СПб.: [б. и.], 1880. 421 с.*
3. *Отчет по Императорскому Московскому воспитательному дому за 1899 г. М.: Тип. Моск. Гор. Арнольдо-Третьяковского училища глухонемых, 1902. 127 с.*
4. *Ерошкин Н.П. Российское самодержавие: сб. ст. к 75-летию Историко-архивного института / вступ. ст. В.А. Муравьева (отв. ред.). М.: РГГУ, 2006. 494 с.*
5. *Благотворительные учреждения Российской империи. Т. 2 / сост. по Высочайшему повелению Собственно Его Императорского Величества Канцелярию по учреждениям императрицы Марии. СПб.: Тип. СПб. акц. о-ва печ. дела в России Е. Евдокимова, 1900.*
6. *Отчет по Императорскому Московскому воспитательному дому за 1913 г. М.: Тип. штаба Моск. воен. округа, 1915. 159 с.*
7. *Всеподданнейший отчет Императорского Человеколюбивого общества за 1850 год. Санкт-Петербург : В тип. Имп. Акад. наук, 1851. 35, [3] с.*
8. *Отчет совета Императорского Человеколюбивого общества за 1870 год. Санкт-Петербург: В тип. В. В. Праutz, 1872. 60, 41 с., [5] л. табл.*

Bykov Alexander A., Zhukova Anastasia V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: aab56@sibmail.com DOI 10.17223/1998863X/29/15

THE CARE OF ORPHAN CHILDREN IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: THE EXAMPLES OF THE ACTIVITIES OF THE EMPRESS MARIA'S DEPARTMENT OF INSTITUTIONS AND THE IMPERIAL PHILANTHROPIC SOCIETY)

Keywords: charity, social support, placement, practice.

The article examines the practice of orphan children's placement in pre-revolutionary Russia. It considers the activities of major organizations such as the Department of Institutions of Empress Maria and the Imperial Philanthropic Society. The article compares the methods and results of the work of these institutions.

The placement and care of orphans has been one of the key issues in social policy in the Russian state for almost three hundred years. But today the problem is still acute. Some of the causes of orphanhood have persisted independently of socioeconomic, political, and ethical eras.

The article discusses the evolution of the practices of the placement of orphans in pre-revolutionary Russia by two major pro-government charitable institutions - the Department of Institutions of Empress Maria and the Imperial Philanthropic Society.

In pre-revolutionary Russia, there was a wide range of methods for the placement of orphans, from adoption and guardianship to training for any profession and assignment to a specific class (based on

the child's knowledge, abilities and skills). The use of marriage as a form of placement is also considered.

The article points out the problems that occurred during the development of the institution of orphans' placement. These represented in most cases the elementary shortage of funds and the neglect of duties by some officials. They were associated with the weakening of the control of the central oversight authorities in the institutions concerned. The application of supervisory measures fluctuated: it weakened, then sharply increased (in the opinion of analysts of the time).

Thus, the article examines the main forms of orphans' placement and care practiced in the Department of Institutions of Empress Maria and by the Imperial Philanthropic Society.

References

1. *Obshchestvennoe i chastnoe prizrenie v Rossii* [Public and private charity in Russia]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1907. 296 p.
2. *Monografii uchrezhdeniy vedomstva imperatritsy Marii: prilozhenie k izdaniyu "Pyatidesyatiletie IV otdeleniya sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii 1828–1878"* [Monographs of the institutions department of Empress Maria: the application to the publication "The fiftieth anniversary of IV Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery 1828–1878"]. St. Petersburg, 1880. 421 p.
3. *Otchet po Imperatorskomu Moskovskomu vospitatel'nomu domu za 1899 g.* [The report of the Imperial Moscow Orphanage for 1899]. Moscow: Moscow City Arnold-Tretyakov school for the deaf Publ., 1902. 127 p.
4. Eroshkin N.P. *Rossiyskoe samoderzhavie* [Russian autocracy]. Moscow: Russian State University for the humanities Publ., 2006. 494 p.
5. *Blagotvoritel'nye uchrezhdeniya Rossiyskoy imperii. T. 2* [Charities of the Russian Empire. Vol. 2]. St. Petersburg: E. Evdokimov Publ., 1900.
6. *Otchet po Imperatorskomu Moskovskomu vospitatel'nomu domu za 1913 g.* [The report of the Imperial Moscow Orphanage for 1913]. Moscow: Headquarters of Moscow Military District Publ., 1915. 159 p.
7. *Vsepoddannейshiy otchet imperatorskogo Chelovekolyubivogo obshchestva za 1850 god* [The humbly report of the Imperial Philanthropic Society for 1850]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1851. 35 p.
8. *Otchet soveta Imperatorskogo Chelovekolyubivogo obshchestva za 1870 god* [Report of the Board of Imperial Philanthropic Society for 1870]. St. Petersburg: V. V. Pratts Publ., 1872. 60 p.